

Россия. - 2002. - 13 ноября. - с. 12

«Синтезатор любви»

Галина Смирнова

Не хотите ли вы НЕ узнать ничего нового о прекрасном актере и красавце Анатолии Лободком? Быть по-прежнему не в курсе его личной жизни, не подсчитывать его жен и детей, не лезть к нему в душу, не судить о нем, не судить его?.. Неужели нет? Тогда этот материал для вас.

Мизансцена – гримерная Лободкома в Театре им. Маяковского. Сухопарый, впрочем, очень элегантный Лободкий уселся на тот единственный стул, который позволил расположиться против оконного света. А это значит, что журналист будет очень стараться, чтобы разглядеть своего собеседника. Но Лободкий не рисуется. А если и играет, то не больше, чем вы и я в обыденной жизни.

Настоящая известность пришла к нему только в 40 лет. Это сделало кино. Как и всегда. «Зависть богов» – фильм Владимира Меньшова. История взрослой и запретной любви. Головокружительное танго в исполнении Лободкома и Алентовой остается в памяти. Ведь у нас почти не осталось головокружительного и страстного кино. Он – голубоглазый француз. Она – замужняя женщина времен СССР, у которой есть все, что полагается, вот только страсти, естественной, пульсирующей и настоящей, не было и нет.

Меньшову требовался особенный «француз», чтобы мы поверили в это пробуждение крепко спящей красавицы. Он нашелся. И тогда Меньшов с удивлением признал: «Наше кино проглядело талантливого актера Лободкома. Мне трудно назвать причину, почему это произошло. Появление у нас такого героя-любownika – настоящая редкость...» Лободкий устало сопротивляется этому штампу. И совсем не потому, что почти в то же время у него родился внук. Он по-прежнему молод, но хорошо знает, что ампула – прокрустово ложе для любого актера. «В нем редкое совпадение целого ряда мужских качеств – красив, профессионален и целенаправлен на творчество», – говорит о Лободком режиссер Татьяна Ахрамкова.

– Что изменилось в вашей жизни после «Зависти богов»?

– Изменилось то, что меня увидели те кинорежиссеры, которые редко ходят в театр, и стали предлагать мне какие-то роли, и еще я стал пользоваться успехом у женщин от 50 и до 80 лет. Это трогательно.

– По-моему, вы скромничаете, суживая диапазон своего воздействия.

– Нет, просто именно эти женщины признаются в любви.

– А с практической точки зрения?

– У меня повысились гонорары, но я по-прежнему озвучиваю рекламу на телевидении, зарабатывая себе на жизнь. Сам ритм жизни изменился еще раньше, в начале 90-х, когда стало понятно, что тех денег, которые я зарабатываю в театре, катастрофически не хватает на то, чтобы нормально жить. И началась беготня по студиям, радио, озвучкам и так далее.

Кто-то давно и справедливо подметил, что театральные актеры проживают на сцене множество жизней, а денег, которые он получает за свою работу, не хватает даже на одну, его собственную. Поэтому тот круг, по которому вынуждены перемещаться даже самые именитые артисты театра, в итоге замыкается на кино, теперь и на телевизионном. Кино кормит, кино делает тебя узнаваемым, после этого начинает кормить сытнее, но... это уже – другая профессия.

– Вы пришли в этот театр сразу после ГИТИСа. Значит, уже 17 лет назад?

– Пошел мой восемнадцатый сезон. Я учился на курсе у Гончарова, и все мы уже были здесь с первого курса. И даже тогда, когда нас еще не допускали к участию в спектаклях, мы репетировали в этих стенах, ходили в актерский буфет.

– Глазели на знаменитостей?

– Тогда мы сами себе были знаменитости. Никаких комплексов у нас уж точно не было. Согласно представлениям молодых начинающих артистов, а тем более студентов (мы ведь все считали себя почти гениями), это у «стариков» должны были быть комплексы по поводу нас, ведь мы смена! Только потом понимаешь, как это глупо и нелепо, но уважение к людям, на которых я, как вы выразились, глазел тогда, с кем теперь работаю вместе, осталось неизменным. А как иначе я могу относиться к Джигарханяну, Гундаревой, Лазареву, Немолаевой, Симоновой?..

В Маяковке – кругом звезды. Вернее, большой парад планет. И обозначить на этом небосводе свои координаты, орбиту и все, что полагается иметь небесному телу, было не так уж просто. Лободкий сразу стал партнером Натальи Гундаревой в спектакле «Леди Макбет Мценского уезда». И сегодня Лободкий занят во многих спектаклях разных лет: «Не о соловьях», «Чума на оба ваши дома!», «Жертва века», «Плоды

просвещения», «Дети Ванюшина», «Забавы Дон Жуана»...

– Вы покорили многие женские души исполнением роли Дон Жуана. Надо признать, что этот образ вам очень к лицу. Правда ли, что в актерской среде с этой ролью традиционны связаны суеверия?

– Да, суеверия есть, и если бы мне предложили сыграть классического Дон Жуана, я, скорее всего, отказался бы. Но поскольку мы играем «ЗАБАВЫ Дон Жуана» драматурга Музы Павловой, то это просто размышления на тему, не более того. И никаких донжуанов мы не играем. А тема очень благодатная, потому как две категории, извечно интересные людям – любовь и смерть, – в полной мере присутствуют в этом сюжете.

– А разве он любит?

– А кто сказал, что нет? Это уже вопрос трактовки. У Тирсо де Молина он любил, у Мольера он не любил, у Пушкина он любил, у Дюрренматта он не любил...

– А вам бы хотелось, чтобы он любил?

– Зачем мне думать о некоем полумифическом

Дон Жуане – любил он или нет? Я – не Дон Жуан. Я только соглашаюсь с материалом, который играю, и с режиссером.

– Вы всегда такой суровый?

– Да. (Лободкий все же примирительно улыбнулся). А сейчас я еще немного усталый. Да и поводов особо веселиться в данный момент нет. Но на самом деле, поверьте мне на слово, я – веселый человек.

– И бывший романтик, задушивший свою романтичность?

– Ничего подобного. Ничего я не душил. Та доля романтизма, которая во мне была, видимо, с возрастом потихоньку угасала. Каждый человек видит, слышит и чувствует, что происходит вокруг (а актер особенно чутко), и чем дольше он этим занимается, тем меньше у него поводов оставаться романтиком. Но я никогда не навязываю своего мнения окружающим, за исключением, может быть, некоторых моментов, касающихся работы. Мировоззрение мое давно сложилось. Я только впитываю информацию, фильтрую ее, оставляя в себе то, во что я могу поверить, во что мне по-

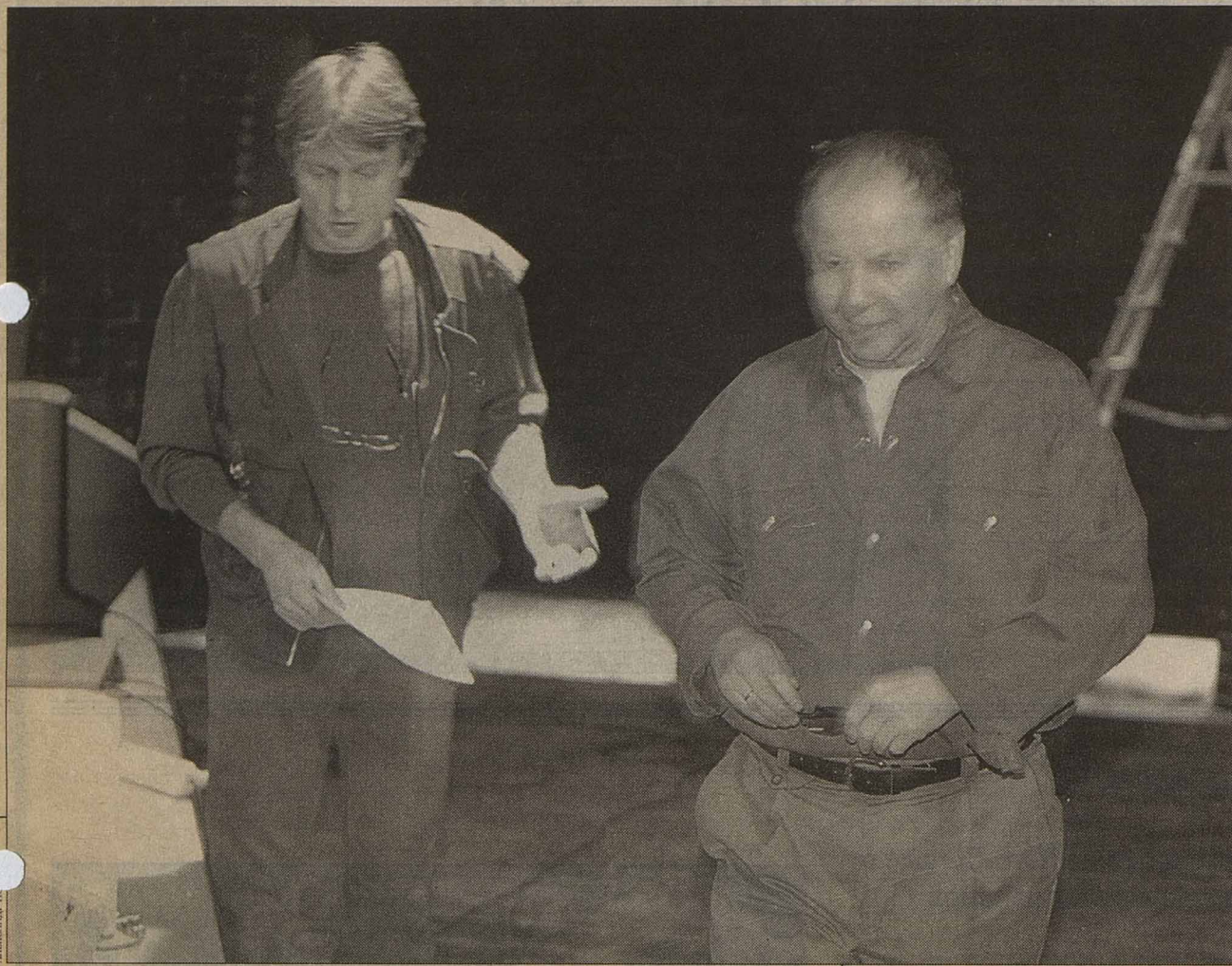
верить интересно. Ну а свой кокон, свой футляр разной степени прочности есть у каждого. Все мы защищаемся от окружающей среды в широком смысле этого слова. Пятнадцать лет назад я бы спорил с вами, размахивал руками, взвизгивал и заводился. Теперь нет. Я стал почти как дзен-буддист.

Анатолий Лободкий родился и вырос в Тамбове. Он был книжным, очень начитанным мальчиком, потому что его семья жила среди книг. Отец – журналист, мама – сотрудник библиотеки. «Детство было насыщенным и хорошим. А некоторые воспоминания сидят во мне на таком эмоциональном градусе, что я и сейчас могу вспомнить и всплакнуть или расхохотаться...» Но расхохотаться или всплакнуть при свидетелях и включенном диктофоне Анатолий отказался. «Это очень личные воспоминания человека», – сказал он.

– Вообще-то я люблю покопаться в воспоминаниях и ощущениях. Еще лет десять назад я думал, что, обладая писательским даром, вполне мог бы написать повесть о детстве, потому что помню его очень хорошо. У нас, можно сказать, классическая русская интеллигентская семья. Мои родители – из породы бессребреников, энтузиастов и романтиков, которые верили, да и верят, в то, как они живут, в то, что они делают. И это замечательно, потому что все это очень отличается от того прагматизма и цинизма, которым обросла сегодняшняя интеллигенция. Я тоже прагматик и циник. На многие вещи не могу смотреть широко открытыми глазами, у меня обязательно появится иронический прищур. Может быть, это своего рода защита. Но, как бы то ни было, такую естественную и чистую реакцию (Анатолий вскрикивает «О!», демонстрируя крайнюю степень восхищения и удивления чем-то) я могу проявить только на сцене... И то потом прищурюсь обязательно. А они могли. И это их счастье – в этой душевной открытости. Мои родители никогда не были ни глупыми, ни наивными (в плохом смысле слова) людьми. Они все понимали и все

Лободком Анатолий

Анатолия Лобощкого

На репетиции «Синтезатора любви» с режиссером Леонидом Хейфецем

Забавы Дон Жуана

видели. Мама как-то вспомнила, как впервые в жизни кормила меня сосисками (мне было, наверное, лет пять), и я спросил: «Мама, а что это такое?» И она заплакала. Но их отличало то, что, как и чеховские герои, мои родители верили, что если они сами приложат максимум усилий, то сделают этот мир немножечко лучше. И я думаю, что им это удалось.

— Вам интересно играть любовь?

— (тут Лобощкий делает такое лицо, что становится понятно: с эксцентрикой у него тоже все в порядке)... Не знаю, что ответить. Скажем так: это моя работа. Если скажу, что интересно, — совру. Скажу, что неинтересно, — тоже совру. Когда-то интересно, когда-то нет, когда-то противно, а когда-то и играть ничего не нужно...

— Вы много любили?

— С чего вы взяли? Вы, кажется, спрашивали про «играть» любовь, а не любить.

— Ну, когда люди любят друг друга, они ведь тоже что-то играют.

— Нет, они не играют, они подыгрывают.

— Интерес публики к личной жизни своих кумиров вы считаете естественным?

— Да, я считаю его не очень здоровым. Эта публичность ничего не

дает. Если у меня нет личных амбиций и тщеславие не слишком развито, то зачем мне это?

— А разве может быть актер без тщеславия?

— Тщеславие у актера может быть только по поводу его работы. Да и оно должно быть умеренным. Уж больно много тех, кто работу свою выполняет плохо и при этом купается в своей публичности. Почитайте желтую прессу, там масса примеров такого рода нездоровья. Получается, что это и есть главная составляющая их жизни.

— А как же быть с голливудскими знаменитостями? Даже самые большие американские звезды с устоявшимися гонорарами не прочь рассказать о своей личной жизни на страницах прессы.

— В Америке другой менталитет. Все как один верят в осуществление американской мечты. И действительно, одному из пятидесяти тысяч это удастся. И попасть на страницы любой газеты, в любом материале — будь ты очевидец убийства, будь ты убийца, будь ты сам убитый — предел мечтаний огромного количества людей. У нас такого, слава богу, пока что нет. Хотя мы и берем оттуда многое, не думая, зачем мы это делаем. И напрасно вы говорите, что

американские звезды не заинтересованы в том, чтобы мелькать на страницах газет. Деми Мур — первая актриса, получившая когда-то 20 миллионов долларов за роль, не снималась 2 года, затем снялась в неудачном фильме и теперь получает 2,5 миллиона за фильм... Бедная.

— Итак, ваша частная жизнь закрыта на все замки.

— Открытость — это беззащитность. Я должен открыто воспринимать то, что происходит в работе, а в жизни... Я не очень верю людям. И когда человек откровенно, на голубом глазу, начинает рассказывать о себе, у меня всегда зарождаются разные подозрения на его счет. Я боюсь людей, которые, сев в поезд, на третьей минуте знакомства с соседями по купе начинают рассказывать всю свою жизнь.

— Своим молчанием вы даете повод для домыслов.

— Пусть домысливают. С какой стати я буду делиться с читателями подробностями своей личной жизни? Я и с близкими-то людьми не очень на эти темы разговариваю, почему же я должен с совершенно незнакомыми говорить о таких интимных вещах, как мои жены и дети? Это моя жизнь, которую

я сам проживаю — мучаюсь, страдаю, люблю, ненавижу, и это никогда не должно быть достоянием публики. А результат всего этого — пожалуйста — можно увидеть на сцене театра почти каждый вечер.

— Так, в вашем понимании, Дон Жуан любил или не любил?

— Любил. Всех их. Он сам страдает, возможно, больше тех, кого он покинул. И почему вы считаете, что эти женщины несчастны? Им будет что вспомнить. Настоящую любовь. Страсть. И 90-летняя монахиня в своем монастыре, и герцогиня в своем замке, на старости лет окруженная внуками, будут вспоминать эту неделю счастья, которой не было в их жизни ни до, ни после него... Но ко мне это не имеет отношения, имейте в виду... (Мы хохочем)

15 декабря на сцене Театра имени Маяковского состоится премьера спектакля, поставленного Леонидом Хейфецем по пьесе современного английского драматурга Алана Эйкборна «Отныне». Спектакль назван «Синтезатор любви». В главной роли — заслуженный артист России Анатолий Лобощкий. Пойдемте на спектакль — нас пригласили.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ
TMT
ГЕОРГИЙ ТАРАТОРКИН

Самое яркое событие нового театрального сезона

Спектакль **Александра Назарова**

ПРЕМЬЕРА
в рамках Международного Театрального Фестиваля
NET (Новый Европейский Театр)

Рольки Шинельман
АРАБСКАЯ НОЧЬ
гротеск без антракта

В главной роли — Григорий Сиятвинда

17 и 18 ноября
на Малой сцене МХАТ им. А.П.Чехова

Художественный руководитель
Георгий Тараторкин

информационная поддержка

Заказ билетов:
(095) 785-1013
e-mail: tmt@ester.ru

ИЗВЕСТИЯ
РОССИЯ